

УДК 316.47(470+571)

Бабинцев Валентин Павлович

доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры социальных технологий
и государственной службы
Белгородского государственного
национального исследовательского университета

Гайдукова Галина Николаевна

кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры социальных технологий
и государственной службы
Белгородского государственного
национального исследовательского университета

Шаповал Жанна Александровна

кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры социальных технологий
и государственной службы
Белгородского государственного
национального исследовательского университета

СОЛИДАРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИЙСКОМ РЕГИОНЕ [1]

Аннотация:

Рассматривается проблема солидарных оснований гражданского общества применительно к условиям российского региона. Обосновывается, что именно консолидация создает реальные предпосылки для действительного, а не имитационного процесса утверждения гражданских отношений в социуме. Однако на основании анализа опыта Белгородской области, в которой принята и реализуется Стратегия «Формирование регионального солидарного общества на 2011–2025 гг.», делается вывод, что она осуществляется крайне непоследовательно и противоречиво. Это объясняется тем, что солидарность является социальным феноменом, базирующимся на взаимном доверии общественных субъектов, достижение которого, в свою очередь, в российских условиях существенно детерминировано наличием ощущения социальной справедливости. В данном контексте неэффективность консолидационных практик рассматривается как результат доминирующего среди значительной части граждан представления о несправедливости социальных отношений и широкого распространения в общественном сознании «культуры недоверия».

Ключевые слова:

солидарность, консолидация, гражданское общество, справедливость, несправедливость, доверие, «культура недоверия».

Babintsev Valentin Pavlovich

D. Phil., Professor,
Social Technologies and
Public Administration Department,
Belgorod State National
Research University

Gaidukova Galina Nikolaevna

PhD in Social Science, Associate Professor,
Social Technologies and
Public Administration Department,
Belgorod State National
Research University

Shapoval Zhanna Aleksandrovna

PhD in Social Science, Associate Professor,
Social Technologies and
Public Administration Department,
Belgorod State National
Research University

SOLIDARY FOUNDATIONS OF CIVIL SOCIETY IN THE RUSSIAN REGION [1]

Summary:

The problem of solidary foundations of civil society in relation to the Russian region conditions is considered. It is proved that it is consolidation that creates real prerequisites for a real, rather than imitative, process of establishing civil relations in society. However, based on the analysis of the experience of Belgorod Oblast, where the Strategy "Formation of a regional solidarity society for 2011–2025" has been adopted and implemented, it is concluded that the Strategy is being implemented in an extremely inconsistent and contradictory manner. This is due to the fact that solidarity is a social phenomenon based on mutual trust of public subjects, the achievement of which, in its turn, in Russian conditions is significantly determined by the presence of a sense of social justice. In this context, the ineffectiveness of consolidation practices is considered as a result of the prevailing perception of the injustice of social relations among a large part of citizens and the widespread "culture of distrust" in the public consciousness.

Keywords:

solidarity, consolidation, civil society, justice, injustice, trust, "culture of distrust".

Тема формирования и развития в России гражданского общества в последние десятилетия постоянно привлекает как политиков, так и исследователей в различных отраслях общественных наук. Существует множество объяснений, почему процесс его утверждения в современной России характеризуется высоким уровнем противоречивости, незавершенности и зачастую принимает имитационные (симулятивные) формы. Нам представляется, что одно из перспективных

среди них может быть связано с установлением зависимости между процессом формирования гражданского общества и социальной консолидацией.

В исследованиях довольно часто затрагивается этот аспект проблемы, но решается он, как правило, путем декларирования зависимости утверждения принципа солидарности от результатов строительства гражданских отношений. Практически в этом ключе рассуждают О.А. Кармадонов и Г.Д. Ковригина, когда пишут, что «в современном российском обществе востребована гражданская мобилизация, предполагающая активные партнерские отношения с государством, сопряженная с социальной ответственностью, подкрепленная непреходящей идеей социальной справедливости, ориентированная на консолидацию сообществ и социальное воспроизводство общества в целом» [2, с. 104]. Эта же мысль присутствует в заключении А.И. Андрущенко, обращающего внимание на проблему гражданской активности, сущность которой, по мнению автора, «состоит в наличии противоречия между потребностью социума в активных поведенческих стратегиях представителей различных социальных групп, слоев по преодолению негативных социальных последствий социально-экономических трансформаций, объединения усилий всего общества для обеспечения устойчивого его развития в соответствии с вызовами времени и отсутствием отработанных механизмов, обеспечивающих консолидацию социальных сил» [3, с. 49–50].

Безусловно, нельзя отрицать, что наличие гражданского общества будет стимулировать социальную консолидацию. Однако заслуживает внимания и обратная связь между этими процессами. По нашему мнению, рассматриваемая проблема вполне может обсуждаться в таком ракурсе: консолидация социума как предпосылка и условие формирования гражданского общества. При этом особую актуальность она приобретает применительно к субъектам Российской Федерации, для воспроизводства и развития которых необходима высокая интеграция региональных сообществ, приобретение ими качества субъектности, выражающейся в способности к самостоятельному определению стратегии и тактики решения социальных проблем, готовности к социальному действию и конструированию собственных оригинальных ценностно-смысловых комплексов, обеспечивающих выработку достойных ответов, предъявляемых современными процессами глобализации.

Такой подход, как нам представляется, имеет основания и истоки в идущей еще от Гегеля традиции, в основе которой лежит идея оппозиционности гражданского общества, рассматриваемого как регулируемое гражданским правом сообщество частных лиц и социальных институтов. Несмотря на то что взаимодействия между ними носят конкурентный характер, все эти акторы связаны в своей деятельности неким договором. Данное обстоятельство делает крайне важным коммуникативный аспект функционирования социума. Не случайно Э. Гидденс рассматривал гражданское общество именно как процесс коммуникаций между государством и негосударственными субъектами, принимающий характер «интерсубъективного дискурса» [4]. Но подобный дискурс может быть эффективным только при условии взаимной лояльности акторов, которая, согласно Т. Парсонсу, представляет собой «готовность откликнуться на должным образом «обоснованный» призыв, сделанный от лица коллектива или во имя общественного интереса или потребности» [5, с. 26].

Именно взаимную лояльность мы рассматриваем как основу солидарности, то есть интеграции социальных субъектов, основанной на осознании ими наличия требующих реализации и защиты общих интересов, проявляющихся в активном сотрудничестве и постоянном диалоге как условия решения общественных проблем. Таким образом, строительство солидарного общества в условиях российского региона – это «формирование системы межличностных и межгрупповых отношений субъекта Российской Федерации, основанной на осознании их участниками общности интересов, ценностей и жизненных смыслов, взаимной поддержке, лояльности и сотрудничестве в достижении общественно значимых целей» [6, с. 8–9].

Именно такое понимание было положено в основу принятой правительством Белгородской области в 2011 г. Стратегии «Формирование регионального солидарного общества на 2011–2025 гг.». В данном документе сформулирован ряд характеристик солидарного общества, в числе которых:

- «– формулировка и принятие идей, идеалов, общей цели развития, ценностей и смыслов, которые являются безусловными для абсолютного большинства населения области и основаны на позитивных духовно-нравственных и культурно-исторических традициях;
- обеспечение открытого, честного диалога между органами власти и населением;
- формирование духовного и психического здоровья, высокой позитивной нравственности, патриотизма, гражданственности, правосознания, оптимизма, позитивно ориентированного мышления;
- формирование ответственности власти за эффективность, законность и безопасность своей деятельности;
- утверждение идеи социального единства, справедливости и милосердия как ведущих принципов взаимоотношений между людьми;

- наличие четкой позитивной общественной морали и норм во взаимоотношениях между людьми и социальными институтами, которые не могут быть нарушены ни при каких условиях;
- социальная активность, созидательность, готовность и способность граждан участвовать в решении государственных и общественных проблем, вопросов местного значения, в том числе жертвуя собственными интересами;
- акцент на взаимной ответственности (власти и граждан, граждан по отношению друг к другу);
- постоянный и конструктивный диалог государственной власти и гражданского общества;
- консенсусный язык общения, то есть язык, использующий одинаково воспринимаемые участниками диалога понятия, ориентированный на поиск общих смыслов, понимание друг друга» [7, с. 8–9].

Вполне естественно, что контуры солидарного были очерчены лишь в самом общем плане. В значительной мере потому, что эта проблема была и пока еще остается недостаточно разработанной в научной литературе. Безусловно, за последние годы вопросам консолидации и интеграции общества был посвящен ряд публикаций отечественных исследователей [8].

Однако нельзя не согласиться с С.С. Аносовым, когда он пишет, что «несмотря на активизацию в последние годы внимания обществоведов к проблематике солидарности, корпус знаний об этой сфере все еще ограничен. По-прежнему востребованы исследования о текущем состоянии интегрированности отечественного социума, основных ресурсах социальной консолидации, субъектах и структуре консолидационных процессов, основных направлениях и механизмах создания солидарного общества, и ключевых факторов, влияющих на все интеграционные процессы и тенденции, в целом» [9, с. 4].

Это тем более важно, что практический опыт реализации Стратегии «Формирование регионального солидарного общества на 2011–2025 гг.» в Белгородской области показал: утверждение идеи солидарности в массовом сознании происходит с большими трудностями. Мониторинг «Роза качества», ежегодно реализуемый в области в последние пять лет (метод – анкетный опрос, ежегодная выборка – 1 000 респондентов), показал в 2018 г., что только 42 % жителей региона в возрасте старше 18 лет имеют ясное представление о солидарном обществе.

Процесс консолидации, даже если он определен в качестве одного из приоритетных векторов региональной политики, как это имеет место в Белгородской области, осуществляется крайне непоследовательно и противоречиво. И это является достаточно весомым аргументом для того, чтобы концептуально переосмыслить его основания.

Мы считаем возможным рассматривать в качестве важнейшего из них институциональное и межличностное доверие, представляющее собой, согласно определению Ф. Фукуямы, «возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами» [10, с. 52]. Способность к солидаризации является естественным следствием доверия как между отдельными и социальными группами (горизонтальное измерение), так и между гражданами и властью (вертикальное измерение). Наличие взаимного доверия расширяет масштабы коммуникаций и разнообразит их виды, поскольку предполагает использование наряду с формальными неформальных способов взаимодействия. Оно создает дополнительные стимулы для участия граждан в решении общественных задач, так как в случае складывания доверительных отношений проблемы контрагентов начинают восприниматься если не как собственные, то, по меньшей мере, как близкие и понятные. Доверие инициирует взаимную эмпатию и готовность к деятельностному сочувствию. Наконец, взаимное доверие выступает базисом ценностного консенсуса и тем самым минимизирует возможность возникновения деструктивных социальных конфликтов, особенно тех, что являются следствием социальной поляризации и противоположности культурно-цивилизационных идентичностей.

В силу данных обстоятельств исключительную важность приобретает утверждение в обществе культуры доверия, которая, согласно П. Штомпке, основывается на нормативной согласованности; стабильности социального порядка; прозрачности; социальной организации; ощущении понятности окружающего мира; подотчетности других людей и институтов [11]. Однако применительно к специфическим условиям России к числу этих оснований целесообразно добавить представление о справедливости.

Во-первых, потому, что справедливость традиционно принадлежит к числу базисных ценностей отечественной культуры. Более того, в российском культурном контексте длительное время доминировала (и в известной мере сохраняет свое значение сегодня) практика оценки предельно широкого круга явлений и процессов именно через призму справедливости. Допустимо утверждать: то, что обычно принято называть запросом на справедливость, кроме всего

прочего, является стремлением обрести ясные, органичные человеческой сущности критерии распознавания смыслов.

Во-вторых, справедливость как одно из фундаментальных представлений массового и индивидуального сознания жестко не корреспондирует с реальным материальным благополучием субъекта. Оно обычно формируется как результат сопоставления (сравнения) собственных жизненных обстоятельств и возможностей с обстоятельствами и возможностями окружающих и утверждается в процессе непосредственного взаимодействия с ними. Именно поэтому справедливость можно определить как осознание людьми возможности реализовать свои претензии на присвоение части социальных ресурсов, как достижение желаемого статуса и общественного признания, адекватных (по их мнению) общественному вкладу, обоснованному социальными нормами (правовыми, нравственными), традицией, и подтвержденных контрагентами в ходе повседневного взаимодействия. Эта интерпретация справедливости акцентирует внимание на личностном измерении справедливости. В тех случаях, когда речь идет об адекватности социальным нормам распределения ресурсов в рамках социума в целом и публичной легитимации этого процесса в массовом сознании, подчеркивается общественное измерение.

Ресурсы во всех случаях понимаются предельно широко и включают в себя весь комплекс средств, обеспечивающих воспроизводство и саморазвитие личности. К их числу относятся и коммуникативные ресурсы, играющие значимую роль в формировании представления о справедливости. Для утверждения его, с одной стороны, крайне важен социальный контент, в том числе и характер институциональных и межличностных интеракций; с другой стороны, именно представление о справедливости создает предпосылки для взаимного доверия.

В-третьих, в российской общественно-политической традиции актуализация проблемы справедливости обычно является реакцией на усиление несправедливости, которая представляет собой осознание людьми невозможности реализовать свои претензии на присвоение части социальных ресурсов, достижение желаемого статуса и общественного признания, адекватных (по их мнению) общественному вкладу и социальным нормам (правовым, нравственным, традиции), обусловленной, по их мнению, действиями или бездействием власти и сограждан. П.Л. Крупкин в данной связи подчеркивает, что «понимание важности справедливости дается человеку через ее, справедливости, недостаток. То есть фактически мы имеем понятие, обладающее свойством ресурса» [12, с. 106].

Ощущение несправедливости происходящего является одним из наиболее мощных стимулов взаимного недоверия, особенно если ее наличие декларативно и голословно отрицается в публичном пространстве.

Таким образом, мы считаем возможным рассматривать процесс строительства гражданского общества в российском регионе как последовательность действий, направленных на утверждение принципа справедливости в межличностных и институциональных взаимодействиях, укрепление взаимного доверия и на их основе – консолидации регионального сообщества. Однако вполне понятно, что для организации движения по данному маршруту, осуществляемой совместными усилиями государства и гражданских институтов, должны наличествовать реальные основания в виде ценностно-смысловых установок и ориентаций социальных групп, которые составляют это сообщество. Мы определяем их как солидарные основания гражданского общества и полагаем, что без наличия таких оснований выстраивание гражданских отношений с неизбежностью примет характер имитационной (формально-симулятивной) деятельности, что довольно часто происходит на практике.

Ключевой проблемой при формировании солидарных оснований гражданского общества является проблема социальной справедливости, о дефиците которой заявляют как исследователи [13] региональных процессов, так и политики в субъектах РФ. Так, в ежегодном докладе Общественной палаты Белгородской области «О состоянии гражданского общества в Белгородской области в 2014 г.» утверждалось, что «для белгородцев чрезвычайно важной является задача обеспечения разумного соотношения справедливости и законности. При этом почти половина белгородцев (по России 40 % граждан) считает, что справедливость в обществе имеет приоритетное значение, даже если законодательство в том или ином случае такую справедливость не обеспечивает» [14].

Однако, фиксируя неудовлетворенность населения реализацией принципа социальной справедливости, специалисты существенно расходятся в отношении определения вызывающих ее факторов. Так, если принять за отправную точку результаты исследований ВЦИОМ, согласно которой в 2013 г. большинство жителей России (58 %) справедливость отождествляли с сильным государством, порядком и национальными интересами, еще 36 % – с равенством всех перед законом [15], то к главным проявлениям несправедливости следует отнести ослабление государственной власти, социальный хаос, предательство национальных интересов и правовое неравенство. В свою очередь, М.К. Горшков обращает внимание на то, что 86 % российских граждан рассматривают несправедливо сложившуюся дифференциацию доходов [16, с. 330].

Подобные расхождения в подходах вполне естественны, если учесть многомерность феномена справедливости/несправедливости, а также то, что представления о нем могут довольно динамично меняться. В этих условиях ощущение несправедливости может возникнуть применительно едва не к любому социальному явлению, тем более что для современной России характерна ценностно-нормативная неопределенность. В ситуации социальной аномии представление о справедливости/несправедливости, особенно если речь идет о ее общественном измерении, формируется либо как следствие собственной интерпретации социальных фактов, либо как реакция на интерпретацию, предлагаемую контрагентами.

Второй вариант становится все более распространенным, поскольку региональное (впрочем, как и в целом федеральное) публичное пространство превращается в среду, максимально насыщенную фальсеоинтеракциями, представляющими собой взаимодействие, в основе которого «лежит осознанность фальши (лжи, обмана) и добровольное принятие этой лжи за истину обеими сторонами коммуникации» [17, с. 76]. Усиленное внедрение в общественный дискурс социальной лжи рефлексивируется в массовом сознании как оправдание и защита социальной несправедливости, и ее начинают искать даже там, где она реально не проявляется, но допускается как возможность. В результате феномен справедливости/несправедливости приобретает коммуникативную природу, стимулируя межличностное, а особенно институциональное недоверие. Более того, исследования белгородских социологов, проведенные в регионе под руководством Е.В. Реутова, «Культура недоверия» в региональном социуме: факторы и социальные практики» (2012 г., n = 962) [18] и «Социальные сети в региональном сообществе» (2010 г., n = 1 000) [19], а также Д.В. Давтян «Технологии гражданского контроля в практике местного самоуправления: сущность, механизмы реализации, социальные следствия» (2013 г., n = 1 130), позволяют говорить о формировании «культуры недоверия», которая «носит явно травматический характер» и представляет собой «комплекс доминирующих в общественном сознании ценностей, установок и поведенческих паттернов, основанных на презумпции нечестности и ненадежности большинства участников социальных отношений» [20, с. 9, 159].

Дефицит доверия в конечном счете ведет к ослаблению и распаду социальных связей и формирует в массовом сознании комплекс установок, выступающих в качестве трудно преодолимых барьеров консолидации регионального сообщества. К их числу относятся:

– демонстративная незаинтересованность в поддержке инициатив, направленных на вовлечение населения в решение общих проблем, особенно если они исходят от органов власти, которая воспринимается как отчужденная от «простых» людей, замкнутая на свои собственные корпоративные интересы. По данным опроса Левада-Центра, в массовом сознании пока что преобладают отрицательные представления о действующей власти: «криминальной и коррумпированной» ее считает каждый третий опрошенный, «бюрократичной» и «далекой от народа, чужой» – примерно каждый четвертый, «паразитической» и «недальновидной» – каждый пятый. Заметно меньшим оказался удельный вес участников исследования, выбирающих положительные характеристики власти. Мнение опрошенных об учете воли людей при принятии решений органами власти мало меняется в последние годы. По оценке почти 60 % респондентов, «люди, которых мы выбираем в органы власти, быстро забывают о наших заботах, не учитывают в своей работе интересы народа», почти 30 % уверены, что «руководство – это особая группа людей, элита, которая живет только своими интересами». Только 10 % считают, что «органы власти народные, у них те же интересы, что у нас с вами» [21]. Похожие результаты показывают и социологические опросы, проведенные на территории Белгородской области. В частности, по мнению 21 % жителей региона, при принятии управленческих решений органы местного самоуправления в первую очередь руководствуются «своими личными интересами и интересами руководства». При этом примерно каждый четвертый считает: в органах местной власти *часто* принимаются решения, не соответствующие интересам граждан; более трети опрошенных заявили, что это делается *время от времени*, а 6 % убеждены, что это делается *постоянно* [22];

– отказ от проявлений гражданского активизма или сведение его к минимуму. Так, по данным исследования «Социологическая диагностика краудсорсингового потенциала регионального управления», проведенного в Белгородской области в 2016 г. сотрудниками НИУ «БелГУ», большинство респондентов (53,3 %) проявляют гражданскую активность в интернет-пространстве, однако всё же предпочитают ее пассивно-потребительские формы: «посещение сайтов общественных (некоммерческих) организаций, политических лидеров» (48,9 %), «участие в интернет-голосованиях по общественным вопросам» (46,2 %), «высказывания по общественным проблемам в блогах, социальных сетях, на новостных сайтах» (29,8 %). Очень небольшое число опрошенных принимало участие в краудсорсинговых или благотворительных проектах, общественной экспертизе. Всего 21 % респондентов жертвовали средства на благотворительные цели, примерно каждый десятый пытался распространять информацию об общественных и политических проблемах, и только чуть более 6 % сообщали в социальных сетях о местных проблемах или участвовали в общественной экспертизе правовых актов [23];

– незаинтересованность в создании гражданских объединений либо имитация их деятельности. В результате при формальном наличии некоммерческих организаций многие из них представляют собой организации-симулякры. В их числе: пассивно-потребительские – существуют за счет внешней (государственной и муниципальной) поддержки; мобилизационные проекты – объединения, созданные властью для решения конкретных задач (довольно типичными среди них являются молодежные организации); приют для «бывших» – организации, созданные для поддержки статуса уважаемых в прошлом людей, предоставления им возможности для самореализации. Между тем именно НКО могут стать площадками, на которых апробируются микропрактики солидарности и – одновременно – накапливается опыт гражданского участия.

Таким образом, анализ показывает, что в настоящее время, несмотря на объективную потребность, в региональном публичном пространстве солидарные основания гражданского общества сформированы недостаточно. Главное негативное следствие сложившейся ситуации заключается в том, что действия властей и общественных формирований, направленные на его строительство, лишаются гуманитарного содержания, трансформируются в чисто формальный процесс, а потому не приводят даже к декларируемым результатам. Между тем гражданственность без солидарности на практике содержит риски усиления взаимного отчуждения между людьми и в конечном счете «расчеловечивания» человека.

Ссылки и примечания:

1. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Реновация социокультурных констант как фактор воспроизводства и развития региональных сообществ» (№ 20-011-00482).
2. Кармадонов О.А., Ковригина Г.Д. Ресурсы социокультурной консолидации российского общества. Иркутск, 2017. 184 с.
3. Андрущенко А.И. Социальная логистика: инновационный механизм управления процессом консолидации общества // Социологический альманах. 2012. № 3. С. 48–54.
4. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. 2-е изд. М., 2005. 528 с.
5. Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998. 270 с.
6. Стратегия «Формирование регионального солидарного общества» на 2011–2025 гг. Белгород, 2011. 80 с.
7. Там же.
8. См.: Кармадонов О.А. Солидарность, интеграция, конъюнкция // Социологические исследования. 2015. № 2. С. 3–12; Кармадонов О.А., Ковригина Г.Д. Указ. соч.; Полюшкевич О.А. Солидарность поколений: монография. Иркутск, 2014. 144 с.; Реутов Е.В., Реутова М.Н. Недоверие в установках и практиках населения // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 126–132; Ярская-Смирнова Е.Р., Ярская В.Н. Социальная сплоченность: направления теоретической дискуссии и перспективы социальной политики // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17. № 4. С. 41–61 и др.
9. Аносов С.С. Консолидация как социальный феномен: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. Чита, 2019. 206 с.
10. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2008. 730 с.
11. Штомпка П. Социология социальных изменений: [пер. с англ.] / [под ред. В.А. Ядова]. М., 1996. 414 с.
12. Крупкин П.Л. Россия и Современность: Проблемы совмещения. М., 2010. 568 с.
13. Аносов С.С. Волонтерское движение как справедливое развитие общества // Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира. XII Международная научная конференция «Сорокинские чтения, 2018» (г. Москва, 19–20 февраля 2018 г.). М., 2018. С. 827–829; Крупкин П.Л. Указ. соч.
14. Ежегодный доклад о состоянии гражданского общества Белгородской области в 2014 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Общественной палаты Белгородской области. URL: <http://op31.ru/910/> (дата обращения: 06.05.2019).
15. Исследование ВЦИОМ: как жители России понимают справедливость в 2013 году. 19.07.2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/news/2013/07/19/6111> (дата обращения: 06.02.2020). 16
16. Горшков М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики): в 2 т. М., 2016. Т. 1. 411 с.
17. Каширина, М.В. Современный российский вуз как сфера генезиса фальсеоинтеракций // Социология образования. 2014. № 10. С. 76–86. 18
18. Реутов Е.В. Социальные сети в региональном сообществе / Е.В. Реутов, Л.В. Колпина, М.Н. Реутова, И.В. Бояринова. Белгород, 2013. 240 с.
19. Реутов Е.В. «Культура недоверия» в региональном социуме: факторы и социальные практики / Е.В. Реутов, Л.В. Колпина, М.Н. Реутова, И.В. Бояринова. Белгород, 2013. 176 с.
20. Там же.
21. Граждане потеплели к власти. 12.12.2016 // Левада-центр. URL: <https://www.levada.ru/2016/12/12/grazhdane-potepileli-k-vlasti/> (дата обращения: 06.02.2020).
22. Социологическое исследование «Применение неформальных практик в органах муниципального управления» проведено О.Н. Юрковой в марте – мае 2015 г. в Белгородской области; опрошено население 3 городских округов и 8 муниципальных районов (n = 500) и 300 муниципальных служащих, проведены экспертный опрос (n = 30 человек) и глубинное интервью 10 экспертов (в качестве экспертов выступали руководители муниципальных образований).
23. Социологическое исследование «Социологическая диагностика краудсорсингового потенциала регионального управления» проведено А.В. Роговой в июне – сентябре 2016 г. в Белгородской области методом анкетного опроса населения (n = 1000), государственных и муниципальных служащих (n = 500). Для обеспечения объективности результатов был проведен экспертный опрос (n = 62 человека).

Редактор: Хорева Людмила Николаевна
Переводчик: Бирюкова Полина Сергеевна